

I

Она сама меня разыскала. Обычно люди стараются держаться от нас подальше. Неразборчивое бормотание по номеру горячей линии, *В 95-м я видел, как...* никаких имен, и щелчок отбоя, если попросишь уточнить. Письмо, набранное на компьютере и отправленное из другого города, на конверте и бумаге никаких отпечатков. Если человек оказывается нам нужен, приходится долго его вычислять и выслеживать. Но она — она сама пришла, и именно ко мне.

Я ее не узнал. Я только что поднялся по лестнице и спешил в свой отдел. Майское утро, а по ощущениям — лето, солнце шпарит сквозь стекло, ярко освещая трещины на оштукатуренных стенах. Я мурлыкал на ходу песенку, подпевая мелодии, звучащей в голове.

Конечно, я не мог ее не заметить. Она устроилась на обшарпанном кожаном диване в углу, нога на ногу, скрестив руки. Платиновая блондинка, волосы завязаны в длинный хвост; строгая школьная форма: юбка в сине-зеленую клетку, синий пиджак. Я подумал, что это просто чей-то ребенок, ждет, когда папа поведет ее к дантисту. Дочка старшего инспектора, например, — да кого угодно с большей, чем у меня, зарплатой. Дело не только в гербе на школьном блейзере. Изыщно-небрежная расслабленная поза, надменно вздернутый подбородок, как будто это место — ее по праву, если ей вдруг взбредет в голову заняться канцелярской писаниной. Я прошел мимо — коротко кивнув на случай, если она и впрямь дочка начальника, — и направился в отдел.

А вот узнала ли меня она? Может, и нет. Прошло целых шесть лет, она была совсем ребенком, а во мне ничего примечательного, кроме рыжих волос. Забыла, должно быть. А может, и признала, но не подала виду по собственным причинам.

Она дождалась, пока секретарша объявила, указывая карандашом в сторону дивана:

— Детектив Моран, с вами хотят поговорить. Мисс Холли Мэкки.

Я резко развернулся, солнечный зайчик блеснул, ослепив на мгновение. Ну разумеется. Глаза-то должен был узнать. Большие, ярко-синие, и в придачу утонченные полукружия век: люди-кошки, бледная девушка с сережкой со старинной картины, тайна.

— Холли, — протянул я руку. — Привет. Давно не виделись.

Несколько секунд эти немигающие непроницаемые глаза пристально изучали меня, впитывая информацию. Потом она встала. Руку она все еще пожимала по-детски, торопливо выдергивая ладошку.

— Привет, Стивен.

Приятный голос. Ясный и спокойный, без этого мультяшного повизгивания. Выговор высший класс, но без понтового карикатурного аристократизма. Отец ей никогда бы не позволил таких выкрутасов. Сразу долой форменный блейзер и марш в муниципальную школу.

— Чем могу помочь?

Немного тише:

— Я вам кое-что принесла.

Тут я растерялся. Десять минут десятого, школьная форма — она прогуливает, это непременно обнаружат. И пришла она явно не с поздравительной открыткой, столько-то лет спустя.

— Да?

— Ну *не здесь же*.

Она выразительно покосилась на секретаршу: разговор будет *конфиденциальный*. Девочка-подросток, смотри в оба. Дочь детектива, будь вдвойне настороже. Но это Холли Мэкки — впутай кого-нибудь, кто ей не по душе, и пиши пропало.

— Давай поищем место, где можно поговорить спокойно.

Я работаю в отделе нераскрытых преступлений, всяков по-нашему. Когда мы беседуем со свидетелями, им кажется, что это не всерьез, не настоящее расследование убийства, без пистолетов и наручников, ничего такого, что врывается в их жизнь, как торнадо. Дело прошлое, размытое, полузабытое, расплывающееся по краям. А мы подыгрываем. Наша комната для допросов

похожа на уютную приемную стоматолога: мягкие диваны, на окнах жалюзи, на стеклянном столике стопка зачитанных журналов. Отвратительный чай и кофе. Можно и не заметить видеокамеру в углу и одностороннее зеркало за шторкой, если не хочется их видеть, а им, конечно же, не хочется. Не волнуйтесь, сэр, всего несколько минут, и вы спокойно пойдете домой.

Туда я и привел Холли. Другая на ее месте вертела бы головой всю дорогу, но для Холли тут не было ничего нового. Она шла по коридору, как по своей квартире.

А я наблюдал за ней. Она, конечно, потрясающе повзрослела. Среднего роста или чуть ниже. Стройная, очень стройная, но выглядит естественно, никакой голодной истощенности. Формы уже обозначены. Не ослепительная красавица — во всяком случае, пока еще нет, — но и ничего уродливого, никаких бреккетов, прыщей и прочего, а благодаря глазам она не казалась еще одним клоном образцовой блондинки, на нее хотелось оборачиваться.

Ухажер ударил? Лапал, изнасиловал? И Холли предпочла прийти ко мне, а не к незнакомцу из отдела сексуальных преступлений?

Кое-что принесла. Улику?

Она прикрыла за собой дверь комнаты для допросов, огляделась.

Я небрежным движением включил камеру.

— Садись.

Холли осталась на месте. Провела пальцем по зеленым потергостям дивана.

— Эта комната симпатичнее, чем те, что были раньше.

— Как вообще поживаешь?

Она продолжала изучать комнату, на меня не смотрела.

— Нормально.

— Хочешь чаю? Или кофе?

Качнула головой.

Я ждал.

— А вы возмужали, — сказала Холли. — Раньше были похожи на студента.

— А ты была маленькой девочкой, которая ходила на допросы с куклой. Клара ее звали, верно? — Это вынудило ее таки вернуться ко мне. — В смысле, мы оба повзрослели, я об этом.

Она впервые улыбнулась. Намек на улыбку, в точности как я запомнил. В этом было что-то очень трогательное и тогда, давно, всякий раз меня цепляло. И вот опять.

— Рада вас видеть, — сказала она.

Когда Холли было девять-десять лет, она стала свидетельницей в деле об убийстве. Дело вел не я, но именно я с ней беседовал. Я зафиксировал ее показания, подготовил ее к появлению на суде. Она не хотела туда идти, но все-таки согласилась. А может, ее папочка-детектив заставил. Кто ее знает. Даже когда ей было девять, я не питал иллюзий, что могу ее понять.

— Я тоже.

Короткий решительный вздох, так что плечи приподнялись, кивок — самой себе, словно что-то щелкнуло. Она уронила на пол школьный рюкзак. Подцепила пальцем лацкан форменного блейзера, демонстрируя мне вышитую на нем эмблему.

— Я теперь учусь в Килде. — Сказав это, она уставилась на меня, наблюдая за реакцией.

Я только кивнул, но сразу почувствовал себя неотесанным нахалом. Школа Святой Килды, о таких заведениях типы вроде меня и слышать-то не должны. Я и не знал бы о ней никогда, если бы не труп одного парнишки.

Средняя школа для девочек, частная, зеленый пригород. Монашки. Год назад две монахини вышли на рассвете прогуляться и в роще на дальнем конце школьной территории обнаружили лежащего юношу. Сначала они приняли его за спящего — вероятно, пьяного. В гневе ринулись к нему, дабы напомнить о семи смертных грехах, очистить от скверны и заодно выяснить, на чьи добродетели он посягнул. И прогремел грозный глас целомудрия: *Молодой человек!* А он не шелохнулся.

Кристофер Харпер, шестнадцати лет, из школы для мальчиков через одну улицу и две чрезвычайно высокие стены отсюда. Той ночью кто-то проломил ему голову.

Людей было задействовано — можно жилой квартал построить, свехурочных выплачено столько, что можно все закладные оплатить, а уж бумаг по этому делу хватило бы, чтобы запрудить реку. Подозрительный сторож, случайный работяга — исключено. Одноклассник, с которым они как-то подрались, — исключено. Угрожающего вида местные мигранты, привлекавшиеся за мелкие правонарушения, — исключено.

И все. Больше никаких идей. Ни единого подозреваемого и ни малейшего представления, почему Кристофер вообще оказался на территории Святой Килды. А потом все сошло на нет — все меньше времени, все меньше людей. Никто не заявил бы этого прямо, все-таки жертвой был подросток, но на практике дело закрыли. К настоящему моменту все документы хранятся в архивах отдела убийств. Рано или поздно до начальства дойдут какие-нибудь скандальные намеки из прессы, дело откопают и подбросят нам, в бар “Последний шанс”.

Холли пригладила лацкан.

— Вы ведь знаете про Криса Харпера, да?

— Да, — кивнул я. — Ты тогда уже училась в Святой Килде?

— Ага. Я там с первого года. А сейчас уже на четвертом.

И опять замолчала, вынуждая меня делать очередной шаг. Один неверный вопрос — и она уйдет, разочарованная во мне: слишком старый, очередной бесполезный взрослый, который не в состоянии ничего понять. Я осторожно прощупал почву:

— Ты живешь в пансионе?

— Да, последние два года. Но только с понедельника по пятницу. На выходные уезжаю домой.

В какой же день это произошло, не помню.

— Ты была в школе в ту ночь, когда это случилось?

— В ночь, когда убили Криса.

Короткая вспышка раздражения. Папина дочка: не выносит, когда ходят вокруг да около, — во всяком случае, когда это делают другие.

— В ночь, когда убили Криса, — согласился я. — Ты была там?

— Там я, естественно, не была. Но в школе — да.

— Ты что-то видела? Или слышала?

Вновь раздраженно, на этот раз куда более выразительно:

— Меня об этом уже *спрашивали*. Следователи. Они допросили нас, не знаю, *тысячу* раз, не меньше.

— Но с тех пор ты могла что-то припомнить, — примирительно сказал я. — Или передумать насчет того, о чем следует промолчать.

— Я не дура. И в курсе про все ваши штуки. Забыли? — Она уже готова была развернуться к двери.

Сменим тактику.

— Ты была знакома с Крисом?

Холли успокоилась.

— Постольку-поскольку. Наши школы сотрудничают, поневоле познакомишься. Мы не дружили, ничего такого, просто наши компании зависали вместе пару раз.

— Что он был за человек?

Пожимает плечами:

— Парень как парень.

— Он тебе нравился?

Вновь движение плечами:

— Нормальный.

Дело в том, что я немного знаю папочку Холли. Фрэнк Мэки работает под прикрытием. Столкнешься с ним нос к носу — он увильнет; зайдешь сбоку — ринется в лоб. Я сказал:

— Ты пришла, потому что хотела мне что-то сообщить. Я не намерен играть в угадайку, в которой все равно не смогу победить. Если ты не уверена, что готова говорить, уходи и возвращайся, когда надумаешь. Если все же готова, выкладывай.

Холли явно понравился такой подход. Она едва не улыбнулась в ответ, но просто кивнула.

— Есть такая доска, — сказала она. — У нас в школе. Доска объявлений. На верхнем этаже, напротив художественной мастерской. Ее называют Тайное Место. Если у тебя есть тайна, ну, там, ненавидишь своих родителей, например, или тебе нравится какой-нибудь парень, можешь написать про это на бумажке и прикрепить туда.

Спрашивать зачем, видимо, бессмысленно. Девочки-подростки — понять невозможно. У меня есть сестры. Я давно отучился задавать лишние вопросы.

— Вчера вечером мы с девчонками занимались в мастерской — работали над проектом. Я забыла там наверху свой телефон, но вспомнила про него только после отбоя, поэтому вчера за ним не вернулась. И пошла туда сегодня с утра пораньше, еще до завтрака.

Слишком гладко излагает — не моргнув глазом, ни тени нерешительности. Будь это другая девчонка, я бы сразу сказал, что все это чушь собачья. Но Холли существо опытное, да к тому же у нее такой папаша — с него станет снимать показания всякий раз, стоит ей опоздать вечером домой.

— Я глянула на доску, — продолжала Холли. Наклонилась к своему рюкзаку, открыла. — Просто по пути к мастерской.

Вот оно: рука замерла над зеленой папкой. Она помедлила, не глядя на меня. Волосы, связанные в хвост, упали, скрывая профиль. Занервничала наконец-то. Не такие уж мы холодные и невозмутимые, оказывается. Потом она выпрямилась и вновь встретилась со мной взглядом, лицо опять непроницаемое. Вытянула руку, вручая мне зеленую папку. И отдернула, едва я коснулся ее, так стремительно, что я едва не выронил.

— Вот это было на доске.

На папке надпись: “Холли Мэки, 4Л, Обществоведение”. Внутри — прозрачный пластиковый конверт. В нем — канцелярская кнопка, свалившаяся в самый угол, и фотография.

Его я узнал гораздо быстрее, чем саму Холли. Это лицо неделями не сходило с первых полос всех изданий и с телевизионных экранов, красовалось во всех полицейских сводках.

Снимок, правда, другой. Парня застигли в момент, когда он обернулся, глядя через плечо. Слегка размытый фон — желтые осенние листья. Весело смеется. Симпатичный. Блестящие каштановые волосы, зачесанные, как у поп-музыканта, но густые, изогнутые книзу брови, делали его похожим на забавного щенка. Кожа чистая, щеки румяные; всего несколько веснушек на скулах, и только. Подбородок, который вполне мог с годами стать мужественным, если бы ему дали время. Широкая улыбка, от которой разбегаются мелкие морщинки вокруг глаз и носа. Немножко нахальный, немножко милый. Юный и все прочее, что всплывает в сознании, когда вы слышите слово “юный”. Летняя влюбленность, герой для младшего брата, пушечное мясо.

А прямо на его голубой футболке, чуть ниже лица, наклеены буквы, вырезанные из книжки, — прилеплены с большими промежутками, как в записках о выкупе. Краешки аккуратные, вырезано тщательно.

Я знаю, кто его убил.

Холли молча смотрела на меня.

Я перевернул конверт. Обычная белая карточка, такую можно купить где угодно, чтобы напечатать свою фотографию, например. Никаких других подписей, ничего.

— Ты это трогала руками? — спросил я.

Выразительно закаченные к потолку глаза.

— Разумеется, нет. Я вернулась в мастерскую, нашла это, — она показала на конверт, — и деревянный ножик. Подцепила ножом кнопку, вытащила, а записку подхватила в конверт.

— Отличная работа. А что потом?

— Спрятала под блузку, а у себя в комнате сунула в папку. Потом сказалась больной и улеглась обратно в кровать. Пришла медсестра, я напела ей чего-то, а потом смылась потихоньку из школы и явилась сюда.

— Почему?

Холли возмущенно вытаращила глаза:

— Потому что я думала, что вы, парни, захотите *это узнать*. Если вам пофиг, я просто выкину все это к черту и вернусь в школу, пока там не обнаружили, что я сбежала.

— Мне не пофиг. Я просто в восторге, что ты это обнаружила. Мне лишь интересно, почему ты не отнесла карточку учителям или своему отцу.

Короткий взгляд на стенные часы (заодно заметила видеокамеру):

— Черт. Вот и напомнили. На перемене медсестра опять припрется проверить, как я, и если не найдет меня на месте, они там все просто взбесятся. Не могли бы вы позвонить в школу, сказать, что вы мой отец и я сейчас с вами? Типа, мой дедушка помирает, и вы позвонили мне сообщить, а я мгновенно сорвалась, никому ничего не сказав, потому что не хотела, чтобы меня направили к школьному психологу поговорить о моих *чувствах*.

Все предусмотрела, однако.

— Хорошо, я позвоню в школу. Но не собираюсь представляться твоим отцом. (Гневное фырканье Холли.) Я просто сообщу, что ты кое-что передала нам, и поступила очень правильно. Это защитит тебя от лишних расспросов, верно?

— Ну ладно. Но вы хотя бы можете сказать, что мне запрещено обсуждать это с кем бы то ни было? Чтобы они не примитывались?

— Без проблем. — Крис Харпер весело и обаятельно смеется надо мной, в развороте его плеч достаточно энергии, чтобы поднять на ноги пол-Дублина. Я сунул его обратно в папку, закрыл. — Ты кому-нибудь уже рассказала? Может, своей лучшей

подружке? Все нормально, даже если так, мне просто нужно знать.

Тень скользнула по тонким скулам Холли, она вдруг стала как-то старше и сложнее, что ли. В голосе тоже появились иные интонации.

— Нет, я никому ничего не говорила.

— О'кей. Сейчас я позвоню в школу, а потом запротоколирую твоё заявление. Хочешь, чтобы присутствовал кто-нибудь из твоих родителей?

Она мгновенно пришла в себя.

— О боже, нет. Что, кто-то обязательно должен тут сидеть? Вы не можете просто так взять и записать?

— Сколько тебе лет?

Она прикинула, не соврать ли. Но отказалась от этой идеи.

— Шестнадцать.

— Нам нужен твой законный представитель, взрослый. Что-бы я тебя не напугал и не смушал.

— Вы меня не смущаете.

Ещё бы, черт побери.

— Да, я знаю. Но такие уж у нас правила. Ты побудь пока здесь, налей себе чашечку чаю, если пожелаешь. Я вернусь через пару минут.

Холли плюхнулась на диван. Почти свернулась в клубок: ноги затолкала под себя, руки скрестила. Перебросила хвостик вперед и начала его нервно покусывать. В комнате жаро, как обычно, но ей словно зябко. И даже вслед мне не глянула.

В отделе сексуальных преступлений, двумя этажами ниже, есть дежурный социальный работник. Я вызвал её, записал показания Холли. Потом, уже в коридоре, спросил эту тетку, не возез ли она Холли обратно в Святую Килду, — Холли в благодарность метнула в меня уничтожающий взгляд.

— Так твоё школьное начальство убедится, что ты и в самом деле сотрудничаешь с полицией, — пояснил я. — Что это не твой парень им звонил. Меньше мороки.

Она скривила такую физиономию, что любому ясно: слухавить мне не удалось.

Она не спрашивала, что будет дальше, как мы поступим с новой информацией. Понимала, какие у нас правила. Бросила на прощанье:

- До скорого.
- Спасибо, что пришла. Ты действительно правильно поступила.

Холли промолчала. Только улыбнулась уголком рта, отчасти саркастично, отчасти нет.

Я смотрел, как они удаляются по коридору. Холли шествовала с идеально прямой спиной, а социальная тетка семенила рядом, тщетно пытаясь затеять разговор, как вдруг меня осенило: она же так и не ответила на вопрос. Ловко вильнула в сторону, как заправский роллер, и продолжила в своем направлении.

- Холли.

Она обернулась, поправляя лямку рюкзака. Насторожилась.

- Я тебя уже спрашивал. Почему ты принесла это мне?

Холли изучала меня. Такой взгляд выбивает из равновесия. Знаете, когда кажется, что портрет следит за тобой.

— Тогда, давно, — сказала она, — весь тот год все словно по минному полю крались. Будто стоит им произнести одно неверное слово, я тут же психану, случится нервный срыв и меня увезут в смиренной рубашке и *с пеной изо рта*. Даже папа — он притворялся, что абсолютно спокоен, но я же видела, что он весь на нервах, постоянно. Это было просто... ну, *aaaaarrrrrr!* (Рычащий звук чистой ярости, пальцы судорожно растопырены.) Вы были единственным, кто не вел себя так, будто я в любой момент могу спянуть от страха. Вы были просто, типа, ну, *о'кей, это отстой, да, но подумаешь, с людьми случаются истории и похуже, и ничего, все как-то справляются, никто пока не помер от этого. Так что давай побыстрее покончим с этим делом.*

Крайне важно продемонстрировать отзывчивость и участие юному свидетелю. У нас на эту тему проводят семинары и тренинги, даже презентации в Power Point, если повезет. А я просто помню, каково это — быть пацаном. Большинство людей обычно забывают. Легкий намек на сочувствие — чудно. Чуть больше сочувствия — великолепно. Еще больше — и ты уже мечтаешь, как бы вмазать кому-нибудь в кадык.

— Быть свидетелем и вправду противно. Для кого угодно. Но у тебя это получилось лучше многих.

На этот раз в улыбке ни тени сарказма. Нечто иное, много всего, но не сарказм.